

ОЧЕРКИ ТЕРСКОЙ СТАРИНЫ.

ПОБѢГИ ВЪ ГОРЫ.

(Исторія одной раскольникческой обители у Шамиля).
1849—1859.

1.

Лѣтомъ 1849 года черезъ Николаевскій мостъ на Терекъ провели солдата, вышедшаго изъ плѣна отъ непокорныхъ горцевъ. Онъ разсказалъ конвойнымъ казакамъ Червленной станицы про Чеченцевъ и Шамиля; много говорилъ также про иноковъ-христіанъ и о Некрасовцахъ, будто бы поселившихся въ горахъ, въ верховьяхъ Аргуна¹⁾.

Вѣсть о Некрасовцахъ быстро облетѣла Гребенскія и прилежащія станицы.

Съ самаго начала своего поселенія на Терекъ почти всѣ Гребенцы крѣпко держались старой вѣры²⁾. Первоначально они чуждались раскола, не допуская возможности раскалывать власть Россіи; но двинутые на подкрѣпленіе Гребенцамъ Донцы и Волжцы привели съ собою немало раскольниковъ, всегда втайнѣ готовыхъ возстать противъ государственнаго порядка.

Фанатики эти незамѣтно растворились бы среди Терскихъ старообрядцевъ, если-бы православное духовенство ограничилось въ борьбѣ

¹⁾ Архивъ 3-го стола Войск. Дежур. Кавказ. Линейн. войска, показанія казака Янхотова и Асѣя Мартынова. Связка № 14—дѣло № 262 и Св. № 15—дѣло № 309.

²⁾ И. Попко. Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Гребенское войско. Глава IX.

съ расколомъ исключительно нравственными мѣрами; но пастыри церкви прибѣгли къ содѣйствию власти.

До начала царствованія императора Александра Николаевича раскольники и сектанты находились въ положеніи людей, лишенныхъ всякихъ правъ; а ничто, какъ извѣстно, такъ не окрыляетъ религіозныхъ ученій, какъ преслѣдованіе и гоненіе. Потому среди поселенныхъ казаковъ было немало сектантовъ, оплакивавшихъ вольность прежней казачьей жизни и старые казачьи идеалы.

Изъ среды ихъ возставали часто проповѣдники антицерковной смуты и самаго грубаго суевѣрія, называвшіе себя поапостольски „ловцы человѣковъ“. „Это были“, говоритъ Попко¹⁾ „записные начетчики, своего рода схоластики и софисты, насквозь пропитанные буквою и формою, люди того уровня умственнаго развитія, для которыхъ авторитетны нелѣпныя теоріи, что земля держится на спинѣ китъ-рыбы, что двухглавый орелъ печать антихриста и т. п.“ Въ раскольничьихъ центрахъ „постригали ихъ въ монахи, снабжали клобуками и мантиями, образами, сосудами, хлѣбами въ качествѣ запасныхъ даровъ Евхаристіи, рукописными книгами, исполненными хулы на господствующее Русское вѣроисповѣданіе, мистическими тетрадами „о счисленіи лѣтъ“, о послѣднемъ вѣцѣ и о пришествіи антихристовѣ. Вели свою пропаганду такіе „ловцы человѣковъ“, конечно тайно и пользовались каждою подходящею искоркою для преслѣдованія своихъ цѣлей.

И вотъ, спрашивается, могъ ли представиться болѣе удобный случай для спасенія отъ Антихриста, какъ слухъ о пребываніи въ верховьяхъ Аргуна молящихся старцевъ и въ особенности казаковъ-некрасовцовъ. Жизнь съ послѣдними должна была манить тѣхъ казаковъ-раскольниковъ, которые къ своимъ религіознымъ исканіямъ присоединяли мечту объ осуществленіи исконныхъ казачьихъ идеаловъ.

Надо помнить, что въ былое время Некрасовцы или Игнатъ-казакъ²⁾ „образовали на Кавказѣ самую устойчивую группу вольнаго казачества, искавшаго внѣ родины условій для осуществленія религіозной свободы. Они пользовались самоуправленіемъ, жили въ мѣстахъ богатыхъ охотой и рыбными ловлями. Въ своихъ воззрѣніяхъ на собственность они сходились со взглядами Горцевъ и Татаръ, признавали своимъ правомъ угонъ скота, добычу ясыря, разореніе жилищъ противника и

¹⁾ Ив. Попко. Гребенцы, стр. 146.

²⁾ Исторія Кубанскаго казачьяго войска Ф. А. Щербина, томъ I, стр. 601—610.

³⁾ Показанія Яхотова. 27 Августа 1852 года Св. № 14—дѣло 262.

жестокую съ нимъ расправу. А все это было безусловно мило, любо и дорого сердцу Терца вообще, а раскольника въ особенности.

2.

Слышавшіе разсказъ бѣглаго солдата о Некрасовцахъ конвойные казаки Тимофей Янхотовъ и Хыхатовъ были глубоко потрясены.

Янхотовъ былъ нраву тихаго, глубоко религіозенъ, преданъ старой вѣрѣ и имѣлъ отъ роду всего тридцать лѣтъ. Онъ уже пользовался большимъ уваженіемъ среди сораскольниковъ, благодаря грамотности и начитанности. Все свободное отъ службы время казакъ проводилъ на молитвѣ въ часовнѣ или за чтеніемъ старинныхъ книгъ, совмѣстно съ друзьями: Панкратомъ Усягинымъ, Ефимомъ Шавыревымъ и Асѣемъ Мартыновымъ. Они всѣ жаждали религіознаго подвига и глубоко вѣрили, что: „если человѣкъ хочетъ спасти свою душу, то долженъ оставить міръ тайнымъ образомъ, чтобы не только посторонніе, но даже родные не знали, и удалиться въ горы и непроходимые лѣса“. А потому казаки ждали лишь подходящаго случая.

И вотъ пять друзей рѣшили бѣжать 27 Ноября 1849 г.

Для усугубленія въ спасеніи души бѣгутъ они со службы, берутъ съ собою образа, священныя книги, мѣдные кресты, лестовки, ладону и воску и оставляютъ записки: „идемъ въ путь Христовъ“¹⁾.

Первымъ обнаружилъ побѣгъ стоявшій на секретѣ Коровкинскаго поста казакъ Ларіонъ Ивашинъ, замѣтившій исчезновеніе каюка и двухъ весель. Затѣмъ хватились и въ станицѣ. Полковой адъютантъ, есаулъ Фроловъ, сейчасъ же опросилъ часовыхъ у выѣздныхъ станичныхъ воротъ Степныхъ, Нижнихъ (что къ Щедрину) и Фроловскихъ, и послалъ погоню.

Но казаки были уже далеко. Переправившись черезъ Терекъ ночью, они только за Сунжею сдѣлали растахъ. Потомъ за Аргуномъ поднялись съ горы искать тѣхъ иноковъ, о которыхъ говорилъ солдатъ, шли ночью, скрываясь днемъ въ лѣсахъ. Наконецъ на восьмой день скалы преградили имъ путь. Дальше идти было некуда. Подумавъ, вошли въ ближайшій аулъ. То былъ аулъ Лускертъ²⁾.

¹⁾ Рапортъ командира Гребенскаго полка подполк. барона Розена, 1849 года № 7589, св. № 14. дѣло № 262.

²⁾ Очевидно Улускертъ.

Казаковъ Чеченцы доставили въ Дарго къ Шамилю.. Ихъ ввели во дворъ, обнесенный палисадомъ изъ толстыхъ бревенъ съ заостренными на верху концами. Передъ двухъ-этажнымъ домомъ, съ тесовою крышею, четыре пушки, на коврѣ сидѣлъ Имамъ. Кругомъ стояли приближенные¹⁾. „Что вы за люди“. „Мы казаки и пришли къ тебѣ не служить, а молиться“, бойко, по чеченски отвѣтилъ Янхотовъ и, нагнувшись, тихо что-то сталъ шептать Шамилю.

Повелитель Чечни и Дагестана слушалъ задумавшись. Мысли его были далеки: онъ собирался въ походъ въ Казикумумскія владѣнія.

„Скоро зима, ждите меня“, наконецъ промолвилъ онъ и приказалъ отвести казакамъ хату въ Русской слободкѣ, гдѣ жили дезертиры.

Тяжело прошла зима для пяти Червленцевъ, нравственно чистыхъ, тяготѣвшихъ къ Богу, среди развратныхъ, вѣчно пьяныхъ и разнужданныхъ отбросовъ Русскаго войска. Всѣ помыслы богомольцевъ еще больше ушли въ будущее: гдѣ искать, гдѣ найти, гдѣ просить подходящаго для обители мѣста? И всѣ, Русскіе и Горцы, единодушно указывали на ущелье въ Тавліи возлѣ аула Ратли, подъ снѣговыми горами.

Наконецъ открылась весна 1850 года. Потекли ручьи, зазеленѣла трава. Янхотовъ снова пошелъ къ Шамилю, долго что-то докладывалъ и выхлопоталъ „вольную бумагу“.

Тогда пошли Червленцы черезъ Анди, Карати и Яфоки въ Ратли. Тутъ, отойдя верстъ шесть отъ аула, въ лѣсу, около холодной рѣчки, подъ большой горой, облюбовали они себѣ мѣсто, сложили саклю и начали молиться въ тиши и безмолвіи горной пустыни, вдали отъ людей и царства Антихриста, вычисляя время его пришествія.

Раннимъ лѣтомъ число обитателей кельи въ Ратли увеличилось тремя бѣглецами²⁾: Червленцами Леонтиемъ Лысовымъ и Діомидомъ Роткинымъ и малолѣткомъ изъ Щедрина. Гребенцы принесли очевидно съ Терека жгучій запросъ о Некрасовцахъ. Раскольники въ станицѣ, видимо, волновались и понуждали Янхотова скорѣе войти въ близость съ потерявшимися гдѣ-то въ горахъ „сорока станицами вольницы и старообрядческимъ монастыремъ“.

¹⁾ Показанія Персіянова св. № 16, дѣло № 309.

²⁾ Дѣло о побѣгѣ казаковъ Роткина и Лысова, св. № 15, дѣло—№ 299.

Приходилось дѣйствовать. Янхотовъ поднялъ братію и пошелъ на розыски Некрасовцевъ, о которыхъ также еще зимою въ Дарго рассказывалъ дезертиръ Василій, будто бы служившій у нихъ восемь мѣсяцевъ¹⁾.

Казакъ долго искали, бродили и усталые, разбитые не тѣломъ, а духомъ, разочарованные вернулись въ Ратли. Тутъ разыгралась, кажется, тяжелая драма разбитой иллюзіи. Вожакамъ, очевидно, больше не вѣрили. Тщетно убѣждали. Янхотовъ и Шавыревъ, Лысовъ и Роткинъ пустились въ обратный путь, прихвативъ съ собою Усягина.

Но не суждено было казакамъ снова испытать воды въ Терекѣ, увидеть родную станицу. Про побѣгъ провѣдалъ Шамиль. Бѣглецы были настигнуты и разстрѣлены²⁾.

Не кроется ли въ этой казни еще болѣе глубокаго преступленія? Не принялъ ли на себя грѣхъ Янхотовъ принести товарищей въ жертву идеѣ.

Распространившійся вскорѣ на Терекъ слухъ о лѣтнихъ поискахъ Янхотова подкрѣпляетъ догадку: въ станицахъ говорили, какъ пошелъ Янхотовъ съ товарищами, какъ наткнулся на караулъ отъ Шамиля, никого къ Некрасовцамъ не пропускавшій за убійство Игнать-казаками поставленнаго отъ Имама найба. Неуспѣхъ богомольцевъ подтверждалъ существованіе въ горахъ той вольницы, куда такъ стремились съ Терека многие.

До Ратли было далеко, и правда не скоро дошла на Линію.

3.

„Идемъ туда, куда пошелъ Янхотовъ“, сказала старая, суровая и набожная Червленка Настасья Митрошкина сыну Василю.

Василій не смѣлъ отказаться.

Ноябрьскимъ пасмурнымъ вечеромъ старуха увлекла въ горы вмѣстѣ съ сыномъ станичниковъ: Ивана Башмакова, Асея Хужина. Федосью Мишуткину, Евдокію Черникову и двухъ монашенокъ Червленскихъ скитовъ, пришедшихъ изъ Иргизскихъ монастырей, Апраксею и Фелициладу³⁾. Въ первые кочета бѣглецы были уже за Сунжею и вскорѣ явились въ Дарго къ Шамилю.

¹⁾ Показанія Янхотова 27 Авг. 1852 года, св. № 14, дѣло № 262.

²⁾ Показанія Митрошкина, св. № 15, дѣло № 309.

³⁾ Рапортъ команд. Гребенск. полка 1851 г. № 5721, св. 15, д. 309.

„Позволь идти въ Ратли“.

Имамъ отказалъ: жива была еще въ памяти измѣна трехъ казаковъ. Не слушалъ его зова и Янхотовъ. Сомнѣніе запало въ душу Шамиля, зачѣмъ ходили лѣтомъ по горамъ казаки.

Положеніе было трудное. Башмаковъ вызвался привести Янхотова съ братією.

У снѣговыхъ горъ нашель казакъ Червленцевъ. Заупрямились было раскольники возвращаться къ Шамилю. Больно было покидать уже дорогое мѣсто, горько стало оставлять безмолвіе глуши, идти къ злымъ людямъ. Какъ страшный сонъ воскресъ передъ Шавыревымъ развратъ слободки, ужасъ прошлой зимы. Но идти все же рѣшили: разумъ побѣдилъ сердце.

Снова пошелъ Янхотовъ къ Шамилю. Опять успокоилъ Имама и выхлопоталъ позволеніе поселиться всѣмъ богомольцамъ сообща не далеко отъ Дарго.

На дворѣ стояли уже холода, но казаки не побоялись стужи для поисковъ. Имъ понравился островъ въ верстѣ съ половиной на Западъ отъ слободки, окаймленный узкими быстрыми рѣчками, текущими въ глубокихъ оврагахъ. Высокій чинаровый лѣсъ придавалъ особую прелесть облюбованному мѣсту. Тутъ рѣшили казаки основать обитель¹⁾.

Скоро застучалъ топоръ и закипѣла работа. Надо было быстрѣе возвести себѣ хоть какое нибудь убѣжище, дававшее возможность пріютиться вдали отъ страшной солдатской слободки. И вотъ къ концу года поспѣли три избышки; въ нихъ помѣстились отдѣльно мужчины и женщины, сходясь вмѣстѣ только для молитвы. Но жизнь на первыхъ порахъ складывалась очень трудно. На зиму запасовъ заготовлено не было. Приходилось покупать все, расходуя принесенныя еще съ Терека деньги. Небольшое подспорье давало изготовленіе деревянныхъ кадусей, охотно промѣниваемыхъ Чеченцамъ на кукурузный хлѣбъ²⁾.

Въ обители господствовали самые суровые нравы. Уставщикомъ былъ Шавыревъ, но настоящимъ главою являлся Янхотовъ, человѣкъ безусловно умный. Среди женщинъ отличалась строгою, дѣйствительно подвижническою жизнью Анастасія Митрошкина, державшая въ страхѣ всю обитель. Понятно поэтому, какую ужасную потерю понесли рас-

¹⁾ Секретное показаніе Персіанова 4 Дек. 1852 года, св. № 15, дѣло 309.

²⁾ Показанія Черниковой, св. № 16, дѣло № 319.

кольники со смертью этой старухи, перешедшей въ лучшій миръ, въ Декабрѣ 1850 года. Скромный деревянный крестъ, воздвигнутый на могилѣ, долгое время пользовался уваженіемъ даже среди Горцевъ: такъ говоритъ живущее у Чеченцевъ и нынѣ преданіе.

Но въ природѣ все смѣняется. Старое даетъ дорогу молодому. Съ Линіи прибылъ казакъ Кизлярскаго полка Павелъ по фамиліи неизвѣстный. Въ обители снова стало тринадцать душъ, и жизнь потекла правильнымъ, монотоннымъ порядкомъ. Молитва и работа поглощали время этой горсти набожныхъ людей, забросившихъ себя добровольно въ горы, далекія отъ родныхъ поселеній. Однако крѣпкая связь, существовавшая всегда между односектантами въ станицахъ, конечно, проявилась и здѣсь, въ особенности въ виду широкой задачи возложенной, вѣроятно, главарями раскола на Янхотова, Шавырева и ихъ послѣдователей. Какъ мы увидимъ ниже, постоянныя сношенія поддерживались между обителемъ и Червленною посредствомъ кунаковъ-Чеченцевъ, готовыхъ за деньги на всякія услуги.¹⁾

Аскетизмъ конечно удѣлъ старости, рѣдко достояніе зрѣлаго возраста и можетъ удовлетворить лишь въ видѣ исключенія молодость, болѣе склонную къ разцвѣту, чѣмъ къ увяданію. Не могъ потому, Василій Митрошкинъ, почти насильно увлеченный въ горы матерью, находить прелесть въ молитвѣ и схоластическихъ вычисленіяхъ, захватившихъ Шавырева, Янхотова и Башмакова. Не могъ молодой казакъ не мечтать о потерянной радости бытія. Первые горячіе лучи вешняго солнца коснулись его сердца и толкнули домой въ станицу²⁾.

Василій Митрошкинъ крадетъ у Янхотова билетъ, данный Шамилемъ на вольное проживаніе, идетъ въ лѣсъ за дровами, бѣжитъ на Терекъ и благополучно является къ командиру Гребенскаго полка подполковнику барону Розену.

4.

Прибытіе Митрошкина въ станицу и данныя имъ показанія имѣли большое значеніе для начальства, смущеннаго и сбитаго съ толку побѣгами Червленцевъ вообще; а группою Башмакова въ частности. Теперь туманъ нѣсколько прояснился, раскрывались тайныя намѣренія раскольниковъ, ихъ замыслы.

¹⁾ Дѣло о сношеніяхъ съ бѣжавшими въ горы №№ 375 и 397.

²⁾ Показанія Митрошкина, св. № 15, дѣло № 309.

Русская власть правильно взглянула на дѣло, вполне оказалась на высотѣ положенія и съумѣла мудро рѣшить крайне серьезный вопросъ¹⁾. Кавказское начальство не пожелало придавать особеннаго значенія бѣглымъ фанатикамъ, создавать среди раскольниковъ мучениковъ за вѣру и закрывать возвращеніе домой тѣмъ слабымъ натурамъ, которыя несомнѣнно находились въ горахъ, увлеченныя отцами обители. „Принимая во вниманіе чистосердечное раскаяніе Митрошкина“, князь Воронцовъ приказалъ: „не предавая казака суду, наказать ста пятьдесятю ударами розогъ, оставить въ полку подъ надзоромъ и поручительствомъ и наблюдать, не лазутчикомъ-ли онъ возвратился“.

Разказы Митрошкина²⁾ о перенесенныхъ разочарованіяхъ, о потерѣ надежды отыскать Некрасовцевъ на Аргуни, переселеніе обители изъ Ратли въ Дарго, о казни Роткина, Лысова и Усягина, тревогъ Янхотова, дополнили дѣло. Казаки поняли несбыточные мечты, и Червленцы прекратили побѣги.

5.

Но въ другихъ станицахъ жили еще прежними слухами, старыми надеждами. Тамъ крѣпко держалась молва о привольномъ житѣ обители, передавались вымышленные разказы. Тамъ только надѣялись отцы раскола загладить пережитую неудачу: лишь новые массовые побѣги къ Шамилю могли спасти положеніе, воскресивъ снова въ послѣдователяхъ разбитую вѣру. Пускаются потому новые слухи. Проносится грозный призывъ въ пустыню:

„Царство антихрестова близко“.

И идутъ казаки въ горы.

Въ Іюль 1851 года бѣгутъ Калиновцы³⁾: Василиса Колпикова увлекается въ горы какимъ-то Симбирскимъ мужикомъ Иваномъ. За нею слѣдуютъ Прокофій Персіановъ съ женою Дарією, дочерями Марією, Евлампією и Прасковьею, съ сыновьями Емельяномъ и Ермолаемъ; Иванъ Глуховъ съ женою Матреною, Алексѣй Петровъ и Настасья Борисова съ дочерью, а также фельдшеръ Кизлярскаго полка Александръ Кирѣевъ.

Уходятъ Мекенцы⁴⁾: Купріянь Никифоровъ съ женою Аграфеною, Петръ Котовъ и Артамонъ Парѣеновъ. Бѣгутъ со службы два Кали-

¹⁾ Рапортъ помощ. нач. Главн. Штаба 1851 г. № 1146, св. № 15, дѣло № 309.

²⁾ Показанія Митрошкина, св. № 15, дѣло № 309.

³⁾ Слѣдственное дѣло маіора Матуса, св. № 16, дѣло № 319.

⁴⁾ Показанія Никифорова 14 Іюля 1852 года и слѣдственное дѣло св. № 16, дѣло № 319.

новца: Егоръ Кудрявцевъ и Леонъ Никитинъ¹⁾). Наконецъ приходятъ въ обитель изъ Алханъ-Юрта казаки Сунженскаго полка Григорій Сапитоновъ и унтеръ-офицеръ Сырниковъ, оба съ женами²⁾).

6.

Лѣтомъ обитель постепенно разрасталась. Къ осени уже было тридцать четыре человекъ. Жили богомольцы дружно и тихо. Слухъ о подвижничествѣ казаковъ разносился по Чечнѣ. Вырубленный лѣсъ, засѣянное кукурузою поле, тучные огороды и новыя избы поднимали славу обители³⁾). Развратная слободка боялась тихаго поселенія.

Но бѣда уже подкрадывалась.

Въ душѣ Мартынова и Хужина появились сомнѣнія, пропала твердая вѣра: „нѣтъ Некрасовцевъ, нѣтъ Антихриста“, твердили казаки.

Принесенная Калиновцами вѣсть о легкомъ наказаніи Василя Митрошкина окончательно пробудила у Червленцевъ надежду на будущее и жгучую тоску по станицѣ.

Мартыновъ и Хужинъ черезъ Малые Казанищи бѣгутъ въ Шуру къ воинскому начальнику⁴⁾). Скоро они уже въ Червленной.

Уходъ казаковъ ошеломилъ обитель. Всѣ тайныя неудовольствія и сокровенные разговоры выплыли наружу. На всѣ лады толковались прошлыя событія, пережитыя разочарованія и сдѣланныя ошибки. Вѣра въ Янхотова пала. Громко заговорили Алханъ-Юртовцы, смѣясь надъ священными книгами, проповѣдывая свое ученіе.

„Надо молиться по лестовкамъ“.

Стали падать и нравы. Давно уже тосковавшія бабы открыто посматривали на слободку. Матрена Глухова, потерявшая въ Декабрѣ мужа⁵⁾), увлекла наконецъ Колпикову и Борисову къ солдатамъ⁶⁾).

Пошелъ за казачками Шавыревъ.

¹⁾ Св. № 17, дѣло № 397, стр. 52—91.

²⁾ Св. 16, дѣло 319, показанія Агаѣи Никифоровой и св. 17, № 401 дѣло о Сапитоновѣ.

³⁾ Секретныя показанія Персіанова 4 Дек. 1825 г., св. № 16, дѣло 309.

⁴⁾ Показанія Мартынова и Хужина, св. 16, дѣло 309.

⁵⁾ Предп. К-щаго войсками Кавк. 5 Авг. 1852 г. № 16747 св. № 15, дѣло 309. Кажется, Глуховъ бѣжалъ домой, но былъ убитъ Чеченцами. Тѣло его найдено на Староюртовской горѣ и привезено въ станицу. Коман-ръ пол. приказалъ похоронить за шляхомъ и не поминать. Св. № 16, дѣло № 319.

⁶⁾ Отн. п. гл. III. Кавк. Арміи 1859 г. № 826, св. № 14, дѣло 269.

Но слободка уже громко смѣялась, рѣшительно заступившись за бѣгляногъ.

Довольно намъ молитвы, поста и работы, кричали пьяныя казачки, клеветца и ругая обитель¹⁾.

До Шамиля дошли бабьи сплетни о тайныхъ замыслахъ обители, о намѣреніи уйти къ Некрасовцамъ, о сношеніи съ Русской властью.

Нахмурился Имамъ. Надъ островомъ нависли грозныя тучи.

7.

Положеніе вещей не могло не смущать въ высшей степени главарей обители, Янхотова и Шавырева, людей безусловно умныхъ, глубоко религиозныхъ и преданныхъ идеѣ. Тревожились они и за свою репутацію на Линіи. Въ особенности страшился Янхотовъ послѣдствій побѣга Мартынова и Хужина. И вотъ въ Іюнь 1852 года рѣшается онъ идти въ станицу²⁾ подъ предлогомъ распространенія нелѣпаго предсказанія о кончинѣ міра и о появленіи Антихриста. Въ предсказаніи, путемъ трудно понятныхъ вычисленій, основанныхъ на Апокалипсисѣ и изрѣченійхъ разныхъ пророковъ, устанавливается время пришествія Антихриста съ дерзкими заключеніями на счетъ правительства. Но распространеніе предсказанія было лишь предлогомъ для отлучки изъ обители на Линію въ глазахъ непосвященныхъ раскольниковъ. На самомъ дѣлѣ Тимофей Янхотовъ признавалъ нужнымъ переговорить съ главарями раскола на Терекѣ, привезти съ собою твердаго управителя для обители и шелъ съ разрѣшенія Шамиля.

Провожали Янхотова до Терека три непокорныхъ Чеченца, назначенныхъ набомъ Искея, которымъ было поручено точно узнать судьбу Хужина и Мартынова. Обстоятельству этому придавалъ большое значеніе самъ Имамъ.

Черезъ аулы Курчалой и Гертмень прибылъ ночью Янхотовъ къ Тереку, переправился ниже Николаевского моста, пришелъ въ Червленую къ оградѣ, раздвинулъ колючки и вошелъ въ свой домъ. Но тутъ его приняла крайне недружелюбно семья, напуганная разными разсѣдованіями властей по дѣлу о сношеніи Червленца Богданчикова и отца Шавырева съ бѣжавшими въ горы³⁾. Жена Янхотова и сноха рѣшили его придержать. Тщетно Янхотовъ обѣщалъ отлучиться въ горы только

¹⁾ Показанія Персіанова и другихъ.

²⁾ Слѣдственное и судное дѣло о Янхотовѣ, св. 14, дѣло 262.

³⁾ Дѣло № 375, св. № 17.

для привода оставшихся товарищей, ему не повѣрили. На слѣдующій день Янхотовъ былъ арестованъ.

Полевой аудиторіатъ призналъ казака Тимоея Янхотова виновнымъ*): „Въ побѣгъ къ непокорнымъ горцамъ для богомолья вмѣстѣ съ тремя своими товарищами, которыхъ онъ же склонилъ къ тому; приходя изъ горъ въ домъ свой съ намѣреніемъ передать принесенное имъ посланіе къ старообрядцамъ, наполненное дерзкими, нелѣпыми толкованіями о Государѣ Императорѣ и правительствѣ, написанное съ цѣлью привлечь старообрядцевъ въ горы. Наконецъ, въ намѣреніи возвратиться въ горы съ нѣкоторыми забранными имъ въ домъ вещами“.

За побѣгъ къ горцамъ—подсудимый Янхотовъ, на основаніи законовъ, подлежалъ смертной казни, разстрѣлянію.

Но командующій 9-ю бригадою и наказной атаманъ Кавказскаго Линейнаго войска, при всей важности преступленія Янхотова, нашли необходимымъ просить отмѣнить опредѣленное закономъ наказаніе, принимая во вниманіе: „что цѣль его побѣга состояла въ томъ, чтобы укрыться отъ службы для богомолья, что смертная казнь за распространеніе суевѣрныхъ предсказаній можетъ увеличить въ глазахъ фанатичныхъ старообрядцевъ непріязнь къ единовѣрію и то, что принесенное Янхотовымъ посланіе къ старообрядцамъ могло-бы имѣть весьма вредное вліяніе на фанатиковъ и породить замыслы къ побѣгамъ за границу, ежели-бы онъ успѣлъ передать по принадлежности. Потому полковникъ баронъ Розень и генералъ-маіоръ князь Эристовъ полагали полезнѣе прогнать Янхотова черезъ строй и отослать, по мнѣнію перваго, въ каторжныя работы, а по мнѣнію втораго, въ арестантскія роты безсрочно“.

Полевой аудиторіатъ, признавая эти доводы и съ своей стороны весьма достаточными, полагалъ: „подсудимаго Янхотова наказать шпицрутенами черезъ пятьсотъ человѣкъ два раза и сослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства безсрочно“.

Главнoкомандующій 11-го Іюня 1853 года это заключеніе утвердилъ.

Затѣмъ, чтобы больше не возвращаться къ судьбѣ Янхотова, скажемъ: въ 1857 году войсковое начальство ходатайствовало о возвращеніи его на родину, но князь Барятинскій отказалъ.

*) Рапортъ помощника начальника главнаго штаба Кавказской арміи 30 Іюля 1857 года № 1402.

8.

Посланные Шамилемъ Чеченцы принесли грустныя вѣсти: схваченъ Янхотовъ, Мартыновъ и Хужинъ наказаны только розгами¹⁾.

Тяжело стало въ обители. Понурили головы Шавыревъ, Башмаковъ, Хыхатовъ и Парфеновъ, совсѣмъ потеряли вѣру прочіе. Кругомъ, какъ шакалы, бродили бѣглые солдаты, высматривая женщинъ. Испуганный Персіановъ²⁾, дрожащій за шестнадцатилѣтнюю дочь Марію, бѣжить въ Сентябрь со всею семьею въ Воздвиженку. Бѣжить³⁾ весною въ Алханъ-Юртъ и старикъ Петровъ.

Какъ заблудшихъ овецъ всѣхъ принимаетъ родина, почти прощаетъ бѣглецовъ главнокомандующій.

9.

Понялъ теперь и Шамиль крушеніе обители, гибель завѣтной мечты нанесенія страшнаго удара ненавистнымъ Русскимъ. Къ чему отнынѣ ему были нужны иноки, лукавые, хитрые люди, одинъ за другимъ уходившіе къ врагамъ съ тайнами горъ? Наступила наконецъ пора послушать набовъ, давно уже требовавшихъ разоренія острова. Лѣтомъ пятьдесятъ третьяго года приказалъ Шамиль богомольцамъ перейти въ Солдатскую слободку. Задумались казаки. Не для службы Иمامу пришли они въ горы. Лишь немногіе исполнили повелѣніе. Ушелъ въ Караты Котовъ, перешелъ къ дезертирамъ Никифоровъ со всѣми женщинами. Ефимъ Шавыревъ, Иванъ Башмаковъ, Антонъ Парфеновъ и другіе, но кто именно неизвѣстно, предпочли смерть измѣнѣ вѣрѣ и убѣжденіямъ⁴⁾. Слишкомъ ужасно было вѣроятно избіеніе этой горсти мужественныхъ казаковъ. Очевидцы не рѣшаются въ показаніяхъ освѣщать подробности потрясшаго ихъ событія, не рѣшается и составитель дополнить вымысломъ эти правдивыя страницы.

10.

Обитель перестала существовать.

Въ то же лѣто бѣгутъ изъ горъ въ Куринское: Никифоровъ съ женою и сыномъ, Евдокія Черникова, Ѳедосья Мишуткина и двѣ монашенки, оказавшіяся казачками Брагиной и Митрошкиной⁵⁾.

¹⁾ Св. № 15, дѣло № 309. Предп. Командующаго Авг. 1825 г. № 16747.

²⁾ Показанія Персіанова св. № 16, дѣло № 319.

³⁾ Показанія Петрова св. № 16, дѣло № 319.

⁴⁾ Показанія Никифоровыхъ, св. № 16, дѣло № 319; прошеніе Шавыревой 25 Марта 1856, св. № 17, дѣло № 375 и показанія Котова св. № 24, дѣло № 696.

⁵⁾ Св. № 17, дѣло № 397 стр. 75—78.

Лишь Никифоровъ подвергся слабому по тѣмъ временамъ наказанію—ударомъ двумя стами розогъ.

Въ 1855 году вернулась Василиса Колпикова, выведенная солдатомъ Тифлисскаго Егерскаго полка Чайкинымъ. Въ Октябрѣ 1859 года вышли на Линію Матрена Глухова и Настасья Борисова¹⁾, выведя прижитое въ горахъ многочисленное потомство. Въ томъ же году раскаялся въ заблужденіи Котовъ, проведя у Чеченцевъ 7½ лѣтъ.

Всѣхъ постигла Русская власть.

Разстрѣленъ только былъ одинъ фельдшеръ Александръ Кирѣевъ. Не удовлетворила также казака жизнь въ обители; примкнулъ онъ къ товарищамъ, жившимъ у Чеченцевъ воровствомъ и набѣгами на станции. 24-го Мая 1852 года его захватили на Терекѣ во время хищничества съ оружіемъ въ рукахъ, судили за измѣну и разстрѣляли²⁾.

О судьбѣ Егора Кудрявцева и Леона Никитина свѣдѣній нѣтъ.

Дождалась-ли Кудрявцева-мать, звавшая своего сыночка словами³⁾: „Егорушка, умъ помрачился у меня, и очи померкли съ ефтой печали. У меня по тебѣ сердце на востромъ кинжалѣ. Прошу тебя съ теплыми слезами, вернись. Какъ легла, какъ встала, и день и ночь про тебя думаю, всѣ мысли мои въ горахъ. Пишу тебѣ ни перомъ, ни чернилою, своею горючьею слезою“.

Или погибъ онъ въ обители?

Лишь устными преданіями дополняются архивныя недомолвки.

Феодоръ Чернозубовъ.

¹⁾ Св. № 16, дѣло № 319.

²⁾ Св. № 16, дѣло № 319. Предп. Г. Л. Козловскаго 1854 г. № 1188. Отн. нач. лѣв. флага 1853 г. № 380.

³⁾ Св. № 15, дѣло № 309. Рапортъ полк. Розена 22 Окт. 1854 г. № 377 св. 17, д. № 397.